

Памяти Михаила Ивановича Семевскаго.

(Къ 25-лѣтію дня его кончины).

9 марта этого года исполнилось 25 лѣтъ со дня кончины (9 марта 1892 г.) основателя и редактора-издателя „Русской Старины“ Михаила Ивановича Семевскаго.

Онъ родился 4 января 1837 года въ дворянской семьѣ Псковской губерніи Великолуцкаго уѣзда, воспитывался въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ, въ дворянскомъ полку (Константиновскомъ корпусѣ), откуда былъ выпущенъ прапорщикомъ въ л. гв. Павловскій полкъ; съ полкомъ онъ отправился въ 1855 г. на коронацію въ Москву и здѣсь онъ познакомился со многими московскими литераторами и артистами, А. Н. Островскимъ, А. А. Григорьевымъ, П. М. Садовскимъ, И. О. Горбуновымъ и др. Послѣдствіемъ этого знакомства было появленіе въ „Москвитинѣ“ его первой статьи: „Нѣсколько словъ о фамиліи Грибовыхъ“.

Для болѣе яркаго освѣщенія его личности воспроизводимъ ¹⁾ автобіографическую стенограмму Михаила Ивановича о началѣ его литературной дѣятельности.

„Отечественную исторію я сталъ изучать съ весьма раннихъ лѣтъ моего возраста. Я говорю „изучать“ потому, что уже 15—16 лѣтъ не довольствовался однимъ учебнымъ курсомъ, а старался прочитывать, какъ говорилось въ школѣ, „постороннія книги“, имѣвшія болѣе или менѣе отношеніе до родной старины. Какъ теперь припоминаю, изъ этого рода сочиненій мнѣ особенно нравились Біографіи и Словарь достопамятностей россійскихъ. Извѣстное сочиненіе Бантышъ-Каменскаго было едва-ли не первою книгою, которая прочитана была мною, и прочитана не

¹⁾ „Рус. Стар.“ 1892, апрѣль.

одинъ разъ, изъ отдѣла книгъ по отечественной исторіи. Какъ ни суха, повидимому, эта книга, какъ ни однообразно изложеніе біографій, въ ней помѣщенныхъ, тѣмъ не менѣе и въ нихъ—въ этихъ служебныхъ спискахъ, разбавленныхъ большею частью похвалами—я нашелъ для своего юнаго воображенія не мало фактовъ, воскресившихъ предо мною прошедшую жизнь.

„Вслѣдъ за Бантышъ-Каменскимъ подвернулись мнѣ подъ руки „Записки о Россіи“ Манштейна, переведенныя съ французскаго Глинкою. Эта одна книга уже дала мнѣ мысль къ сочинительству. Я вздумалъ, по ней, по одной этой книгѣ, составить біографическій очеркъ жизни знаменитаго канцлера Ивана Андреевича Остермана, трудился надъ этимъ нѣсколько недѣль, и самой внѣшности этой біографіи придалъ, быть можетъ, самъ того не замѣчая, такой-же видъ, какой имѣли біографическіе очерки въ словарь Бантышъ-Каменскаго. Мнѣ было 16, много 17 лѣтъ, когда я, такимъ образомъ, выступилъ на поприще составленія, будто-бы, самостоятельныхъ очерковъ.

„Профессоромъ исторіи былъ у меня извѣстный въ свое время по бездарности Михаилъ Ивановичъ Касторскій — тотъ самый, который въ теченіе многихъ лѣтъ, благодаря какой-то протекціи, могъ занимать кафедру въ Петербургскомъ университетѣ. Это былъ старичекъ довольно уморительной наружности, съ весьма странными ухватками и положительно не умѣвшій проговорить полчаса связно и логично. Преподаваніе его сводилось къ устряловскому учебнику, но разбавлялось однако одною особенностью: изрѣдка онъ обращалъ вниманіе своей аудиторіи на источники. Такъ, напр., онъ останавливался на нѣкоторыхъ подробностяхъ о лѣтописцѣ Несторѣ, на нѣкоторыхъ его продолжателяхъ и даже знакомилъ съ подлинными грамотами. Связь изложенія исторіи съ источниками къ ней у него была весьма мала, отрывочна, но тѣмъ не менѣе большое спасибо его памяти за то, что онъ далъ мнѣ, хотя и самое поверхностное, понятіе о томъ, что такое источники. Это до такой степени въ послѣдствіи времени сослужило мнѣ службу, что, какъ теперь помню, въ своей педагогической практикѣ преподаванія отечественной исторіи я не иначе преподавалъ ее, какъ опираясь на примитивныя, т. е. первоначальныя данныя къ излагаемымъ событіямъ. Страсть, или, лучше сказать, способность къ компилятивнымъ работамъ, къ обращенію съ источниками внушена мнѣ была также и нѣкоторыми другими преподавателями въ нашемъ заведеніи, которые задавали темы, требуя обработать ихъ по рекомендуемымъ книгамъ. Такъ, напр., мнѣ на 18-мъ

году жизни, довелось писать большое сочинение—очеркъ исторіи русскаго театра, какое-то статистическое сочиненіе, мною теперь совершенно забытое, очеркъ исторіи государственнаго совѣта—это изъ науки законовѣдѣнія, и нѣкоторыя другія. Первая изъ названныхъ компиляцій, какъ ни слаба она была, сослужила мнѣ ту службу, что дала возможность погрузиться въ исторію русской литературы XVIII столѣтія. Кто знаетъ, быть можетъ, безъ названной темы, когда бы еще довелось мнѣ перечитать журналы Новикова, Александра Сумарокова, сочиненія Екатерины II, братьевъ Эминыхъ, журналы Крылова, Рубана, Козяцкаго, Дашковой и проч. и проч. Между тѣмъ, тутъ, имѣя въ виду свою литературную работу, я, такъ сказать, всецѣло погрузился въ эти сѣренькія, плохой старинной печати, книги, и цѣлыми днями просиживалъ въ публичной библіотекѣ.

„Сочиненія вышли, конечно, плохія, хотя и сопровождались весьма пышными аттестаціями преподавателей. Но масса усвоенныхъ фактовъ осталась дорогимъ приобрѣтеніемъ для послѣдующей моей жизни. Возвращаясь къ этому труду,—я говорю объ очеркѣ русской народной комедіи, а не театра,—скажу, что, и по выходѣ изъ учебнаго заведенія, я посвятилъ ему около года довольно усидчивой работы, и руководителемъ или, лучше сказать, подстрекателемъ къ этому труду былъ извѣстный въ свое время профессоръ русской словесности и самый лучшій переводчикъ англійскихъ романовъ Ирнархъ Ивановичъ Введенскій. Онъ былъ уже слѣпъ, когда я его зналъ и когда его помню. Но, несмотря на слѣпоту свою, этотъ человекъ сохранилъ всю горячность молодости, необыкновенную энергію и потребность возбужденія окружавшихъ его молодыхъ людей къ неустанному и упорному умственному труду. Рѣчь его была необыкновенно увлекательна, а самая наружность до чрезвычайности симпатична. Вообще вся эта фигура преждевременнаго инвалида труда дѣйствовала необыкновенно обаятельно на всѣхъ, кто сколько-нибудь ближе съ нимъ сходилъ. Какъ теперь помню, съ какою боязнью явился я къ нему на Петербургскую сторону, недалеко отъ Тучкова моста, въ 3 этажъ, въ весьма скромную квартиру, и давалъ отчетъ о ходѣ своихъ занятій въ публичной библіотекѣ. Какъ теперь помню, какъ сжималось у меня сердце при отчетахъ о томъ, что работа у меня далеко не спорилась такъ, какъ было бы желательно моему руководителю. Въ пылкомъ воображеніи Введенскаго этотъ трудъ уже являлся вполне законченнымъ, а между тѣмъ, какъ онъ самъ не могъ видѣть изъ моихъ отчетовъ, его питомецъ барахтался лишь только въ

первоначальныхъ источникахъ къ этой работѣ — въ журналистикѣ и въ произведеніяхъ вообще русскихъ авторовъ екатерининской эпохи. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, припадокъ злой холеры унесъ Введенскаго въ могилу, а съ тѣмъ вмѣстѣ и работа моя какъ бы обрвалась. Я возвращался къ ней уже, такъ сказать эпизодически, взявши на себя въ то же время преподаваніе русской словесности, а вслѣдъ затѣмъ и отечественной исторіи въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Крайній недостатокъ средствъ, ничтожность задѣльной платы за уроки, небольшой кругъ знакомыхъ и полное невѣдѣніе литературныхъ кружковъ, которымъ, по самому своему воспитанію, я былъ вполне чуждъ, т. е. стоялъ отъ нихъ волею-неволею въ сторонѣ¹⁾ — все это не могло развить во мнѣ мысли когда-нибудь выступить въ печать. Видѣть какую-либо строчку своихъ писаній въ печати казалось дѣломъ столь несбыточнымъ, что не могло даже придти и въ голову 21—23 лѣтнему молодому человѣку. Между тѣмъ, это несчастіе случилось гораздо ранѣе, чѣмъ и можно, и должно было надѣяться. Смѣло говорю „несчастіе“, потому что для будущаго литературнаго работника, хотя-бы и весьма второстепеннаго, хотя-бы и не оригинальнаго, не самостоятельнаго, а компилятора, надо выступить въ печать сколь возможно позже. Преждевременное тисненіе отучаетъ отъ упорности въ работѣ, отъ всесторонней обдуманности писаннаго и, наконецъ, слабые очерки неопытнаго пера съ именемъ несозрѣвшаго автора выбрасываетъ на судъ, иногда придирчивой, но большею частью справедливой критики. Между тѣмъ рѣзкіе отзывы значительно обезкураживаютъ его и не мало доставляютъ горькихъ минутъ въ его жизни. Короче сказать, не только беллетристу въ особенности, но даже и скромному компилятору историческихъ статей я всегда посоветую начать сколько возможно позже выдвигаться на печатную арену. Въ моей, однако, жизни случилось какъ разъ напротивъ.

Въ томъ кружкѣ Введенскаго, въ которомъ вращался я, вращался, впрочемъ, весьма короткое время, такъ какъ сблизился съ нимъ лишь за годъ до его преждевременной кончины, былъ гвардейскій офицеръ, нѣкто Владиміръ Николаевичъ Рюминъ, весьма расторопный и смысленый человѣкъ, который, замѣтивъ оживленіе нашей журналистики съ первыми годами царствованія имп. Александра Николаевича, рѣшился примкнуть къ этому движенію съ изданьемъ небольшимъ по объему, но съ

¹⁾ Сношенія съ Введенскимъ предшествуютъ поѣздкѣ въ Москву.

весьма заманчивымъ заглавіемъ: „Общезанимательный Вѣстникъ“. Это былъ весьма жидкій по объему, но иллюстрированный журналъ, и, какъ по самому своему заглавію, такъ и по значенію и, наконецъ, въ особенности по иллюстраціямъ,—еще тогда довольно новымъ, ибо прежняя „Иллюстрація“ давно зачала и не существовала, а новой еще не возникало,—этотъ журналъ могъ бы очень и очень пойти, если бы успѣхъ не подвѣивалъ на г. Рюмина совершенно обратнo тому, чего можно было ожидать. Успѣхъ, повторяю, былъ, но собранныя деньги пошла на мотовство—на угощеніе пріятелей, и журналъ послѣ года или 1½ исчезъ самъ собою. Какъ ни кратко было его существованіе, но и онъ нуждался въ сотрудникахъ. Кругъ людей пишущихъ былъ въ то время не великъ, да и всѣ пишущіе распредѣлялись по небольшому числу тогдашнихъ журналовъ. Между тѣмъ, новое изданіе било на то, чтобы открывать новые таланты. Къ тому же это было и для издателей гораздо дешевле. Въ числѣ открытыхъ дарованій и пишущій эти строки былъ заповенъ Рюминымъ на страницы его изданія. Подмѣтивъ во мнѣ любовь къ отечественной исторіи и къ старинной отечественной словесности и нѣкоторыя усвоенныя въ этомъ отношеніи знанія, Рюминъ упросилъ меня дать ему двѣ или три монографійки. Одною изъ первыхъ была статья изъ временъ императрицы Анны Іоанновны, а именно, о ледяномъ домѣ и придворномъ бытѣ ея времени. Такимъ образомъ, чтеніе записокъ Манштейна, Бантышъ-Каменскаго и изученіе скуднаго арсенала русскихъ книгъ по русской исторіи XVIII вѣка не пропало для меня безслѣдно; оно привлекло къ составленію первыхъ статей, съ которыми, повторяю, имѣлъ несчастіе слишкомъ рано выступить въ печать.

Журналъ Рюмина растаялъ, т. е. исчезъ, но толчекъ въ литературѣ,—не имѣ, а духомъ новаго времени,—былъ данъ, и новые журналы стали зарождаться чуть-ли не десятками. Едва-ли число читателей возрастало такъ быстро, какъ стало возрастать число пишущихъ, число сотрудниковъ. Сколько тогда появилось поэтовъ, критиковъ, романистовъ, въ особенности составителей картинокъ съ натуры и всевозможныхъ обличительныхъ рассказовъ. Сколько теперь я вижу разныхъ почтенныхъ чиновниковъ, предсѣдателей разныхъ учрежденій, наконецъ, статсъ-секретарей и сенаторовъ, которые въ упоминаемые мною годы, т. е. 20 лѣтъ тому назадъ, бойко подмахивали свое имя на печатныхъ страницахъ тѣхъ или другихъ, давно уже скончавшихся журналовъ! И никогда, кажется, не думалось имъ быть писателями, и исчезли-то они

разъ навсегда изъ печати весьма скоро! Но тѣмъ не менѣе, 20 лѣтъ тому назадъ (т. е. въ концѣ 1850-хъ годовъ), многіе изъ нихъ являлись сотрудниками эфемерныхъ изданій.

Въ этой плеядѣ авторовъ почти не было трудолюбцевъ по отечественной исторіи. Область отечественной старины была заповѣдною землею, куда, подъ вліяніемъ еще мусинъ-пушкинской цензуры, не вступалъ журнальный изслѣдователь. За забраломъ устряловскаго учебника масса русской публики и не видала, и не знала положительно ничего того, что въ настоящее время знаетъ любой гимназистъ среднихъ классовъ учебныхъ заведеній. И вотъ, выступаю я съ историческими очерками изъ времянь Петра Великаго, изъ эпохи царствованія Анны Іоанновны, воспроизвожу первые дни царствованія Елизаветы Петровны, наконецъ, во всей подробности раскрываю знаменитую трагедію— дѣло царевича Алексѣя Петровича. Съ бойкостью и увлеченіемъ молодости быстро набрасываю я далеко не зрѣлые очерки; не успѣвъ строго-критически разсмотрѣть тѣ источники, изъ которыхъ черпаю свои свѣдѣнія, прочитываю груду матеріала, но матеріала печатнаго, хотя и вовсе почти невѣдомаго публикѣ. И всѣ эти скороспѣлые труды новонспеченные журналы, каковы „Русское Слово“, „Свѣточъ“ и другіе, спѣшатъ оттиснуть на своихъ страницахъ, пользуясь тѣмъ, что цензура начинаетъ конфузиться прежняго режима задушенія всего, что только относится до разоблаченія фактовъ изъ недавней отечественной исторіи. Какъ ни незрѣлы были эти очерки, но именно, благодаря невѣдѣнію массы читателей или, лучше сказать, невѣжеству ея въ отечественной исторіи, статьи мои, не скрою, имѣли успѣхъ. Редакціи съ удовольствіемъ ихъ печатали, а я съ увлеченіемъ просяживалъ ночи за записками, а дни проводилъ въ бѣганіи по библіотекамъ, въ то время когда надо было еще не писать, а серьезно и всесторонне заканчивать свое образованіе, крайне недостаточно и весьма мало соответствующее тому поприщу, на которое судьба выдвигала меня. Но какъ уча другихъ, самъ учаюсь, такъ и я, сочиняя и печатая, болѣе и болѣе знакомился съ избранною мною спеціальностью. Отечественная исторія во всѣхъ ея подробностяхъ, въ особенности послѣднихъ трехъ столѣтій, сдѣлалась мнѣ известна какъ нельзя лучше, до такой степени, что я весьма рано почувствовалъ стремленіе изучать ее не въ грудахъ печатнаго русскаго и французскаго матеріаловъ, а въ подлинныхъ архивныхъ источникахъ. Тутъ, на мое счастье, и духъ новаго времени помогъ удовлетворенію моего желанія.

„Въ прежнее недавнее время, въ царствованіе Николая Павловича, наши архивы были или склады полусгнившаго бумажнаго хлама, или хорошо устроенныя кладовыя, куда не проникалъ ни одинъ нескромный взоръ. Очень рѣдко, совершенно случайно, выходили изъ этихъ кладовыхъ въ крайне скромныхъ размѣрахъ новыя свѣдѣнія, большею частью по запросу самого Августѣйшаго ихъ хозяина. Поинтересовался, напр., знатъ Николай Павловичъ о судьбѣ Артемія Волинскаго, о судьбѣ правительницы Анны Леопольдовны, — и вотъ чиновниками крайне секретно составлялись двѣ, три записки и оставались въ копіяхъ въ рукахъ весьма немногихъ лицъ. Духъ новаго времени, повторяю, вскрылъ и затворы этихъ кладовыхъ. Подлежащія министерства на просьбы мои о допущеніи въ тотъ или другой архивъ конфузались отвѣчать отказомъ. И вотъ, предо мною послѣдовательно открылись архивы главнаго штаба, академіи наукъ, синода, куда я, впрочемъ, не имѣлъ досуга и заглянуть, и въ особенности растворился мнѣ архивъ государственный, т. е. архивъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, заключающій въ себѣ драгоцѣнные матеріалы о царствованіи Петра Великаго и о послѣдующихъ эпохахъ. Въ этомъ архивѣ я остановился именно на матеріалахъ Петровскаго времени, на что въ особенности меня наталкивало прочтеніе незадолго передъ этимъ вышедшихъ 4-хъ томовъ сочиненія Устрялова „Исторія царствованія Петра Великаго“. Этотъ сухой, безъ всякаго дарованія написанный и на началѣ тисненія остановленный трудъ, однако, былъ для меня и для прочихъ любителей отечественной исторіи крайне важенъ тѣмъ, что въ немъ все было наполнено подлинными архивными матеріалами. Ближе взглянуть на эти и на неизданные еще матеріалы—вотъ что заставляло меня въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, прежде всего, остановиться на царствованіи Петра Великаго. Но и тутъ страсть къ писательству, крайне возбужденная во мнѣ запросами журналистовъ, повредила и помѣшала мнѣ, т. е. вмѣсто того, чтобы неторопливо и всесторонне ознакомиться съ тѣми сокровищами, доступъ къ которымъ оказался для меня столь легкимъ, я, натолкнувшись на весьма интересный, правда, эпизодъ, относящійся къ судьбѣ невѣстки Петра Великаго, царицы Прасковьи Федоровны Салтыковой, остановился предъ этою очень оригинальною личностью и посвятилъ нѣсколько мѣсяцевъ на составленіе очерка ея жизни. Этотъ очеркъ почти всецѣло былъ составленъ по архивному, до тѣхъ поръ невѣдомому, матеріалу. Написанъ онъ былъ, дѣйствительно, бойко, живо и, по самому

характеру своихъ матеріаловъ, не могъ остаться незамѣченнымъ. При томъ же монографія явилась на страницахъ новаго и весьма сочувственно принятаго литературнаго журнала. Это былъ литературный и политическій журналъ „Время“, съ 1860 года издававшійся братьями Достоевскими. Писательство, опять повторю — преждевременное, тѣмъ вредно, что оно втягиваетъ въ себя съ необыкновенною силою. Такъ было и со мною. За большою монографіею о царицѣ Прасковѣ потянулась еще большая монографія объ императрицѣ Екатеринѣ I-й. И эта монографія составлялась по архивнымъ матеріаламъ, печаталась въ томъ же журналѣ и читалась публикою съ большимъ любопытствомъ.

„Шестнадцать лѣтъ прошло послѣ появленіи моихъ первыхъ историческихъ очерковъ¹⁾, и съ нѣкоторой точкою зрѣнія нахожу ихъ, за исключеніемъ развѣ двухъ послѣднихъ, о которыхъ только-что упомянулъ, весьма слабыми. Но никогда не скажу, чтобы труды эти были бы для нашей публики того времени бесполезны. Если они были для кого мало полезны, то это для меня самого, такъ какъ составленіе ихъ, поглощал у меня много времени, не допускало къ тому серьезному самообразованію, которое, однако, должно было имѣть мѣсто. Что касается до читающаго общества, то, повторяю, они были весьма полезны, и вотъ почему. Я уже выше сказалъ, что эта масса, сквозь устряловщину глядя на отечественную исторію, была въ полнѣйшемъ невѣжествѣ по отношенію къ родной старинѣ. И вотъ являются въ литературныхъ журналахъ монографіи въ весьма живой формѣ и, совершенно не обинуясь скажу, трактующія о всѣхъ историческихъ лицахъ, и въ особенности о представителяхъ власти въ Россіи XVIII вѣка, въ самыхъ простыхъ образахъ, низводл ихъ съ ходулей, на которыхъ они до сихъ поръ высились. Въ этихъ монографіяхъ эти лица были оживляемы предъ умственнымъ взоромъ читателя, со всѣми ихъ малыми и крупными недостатками, со всѣми ихъ человѣческими слабостями, со всѣми послѣдствіями въ ихъ характерахъ и ихъ дѣйствіяхъ вліянія той среды, въ которой выросли и дѣйствовали эти герои и героини, эти монархи и монархини.

„Будучи полезны для отрезвленія русскаго общества отъ устряловщины, мои историческіе этюды были въ то же время и тѣмъ тарзномъ, который пробивалъ цензурную, все еще плотно сплоченную, стѣну. Десятки такихъ очерковъ образовалъ уже

¹⁾ Записано въ 1876 г.

настолько значительную брешь въ этой стѣнѣ, что сквозь нея проходилъ весьма свободно цѣлый рядъ и болѣе серьезныхъ, и болѣе научныхъ изслѣдованій, но все изъ области запретной—изъ области отечественной исторіи XVIII вѣка. Что это не натяжка, что толстый покровъ, который наше правительство столь усердно накидывало на нашу недавнюю старину, былъ еще слишкомъ толстъ,—лучше всего видно изъ слѣдующаго. Когда появилось нѣсколько моихъ монографій, когда вслѣдъ за публикою, съ жадностью ихъ прочитавшею, онѣ обратили благоклонное вниманіе правительства, тогда немедля состоялось слѣдующее распоряженіе—не допускать въ печать историческихъ монографій о государяхъ и государыняхъ времени послѣ смерти Петра Великаго. Такимъ образомъ, администрація наша уступала лишь не иначе, какъ съ боя, шагъ за шагомъ поле изслѣдователю отечественной новѣйшей исторіи.... Но распоряженіе 1860 года имѣло и ту хорошую сторону, что какъ-бы громогласно объявляло о полной свободѣ, которая предоставлялась русскимъ историкамъ или, правильнѣе сказать, историкамъ Россіи по отношенію ко всѣмъ вѣкамъ, событіямъ и лицамъ до 1725 года, т. е. до кончины Петра Великаго. Отнынѣ, т. е. со времени упомянутаго распоряженія и при существованіи еще на Руси цензуры, не могло быть уже и рѣчи о томъ, чтобы не допустить обнародованія тѣхъ или другихъ свѣдѣній о разныхъ Іоаннахъ, о первыхъ Романовыхъ и въ особенности о Петрѣ Великомъ. Это былъ уже шагъ впередъ, и шагъ значительный, и если моя именно монографія вызвали помянутое распоряженіе, то за ними была бы и заслуга того невольнаго признанія свободы для изслѣдованія до 1725 года, которая, такъ сказать, была вырвана со стороны администраціи.

„Оживленіе, съ которымъ я трудился, роясь въ архивахъ, засиживаясь въ библіотекахъ и держа корректуру своихъ длинныхъ монографій въ томъ или другомъ журналѣ,—это оживленіе было не во мнѣ одномъ, оно было во всемъ русскомъ обществѣ, жившемъ не физическою, но и духовною жизнью т. е. объ этомъ только обществѣ я и говорю. Да, нелико было оживленіе русскаго общества въ концѣ 1850-хъ и въ началѣ 1860-хъ годовъ! Все это кипѣло, все это говорило о реформахъ, о необходимости преобразованій тѣхъ или другихъ сторонъ въ общественномъ организмѣ, о недостаткахъ близкаго прошлаго, еще не вполне отжившаго, о свѣтлыхъ, повидимому, слишкомъ смѣлыхъ, повидимому вовсе неосуществимыхъ надеждахъ на будущее! Какое особенное оживленіе замѣтно было въ литературныхъ

кружкахъ! Да и какъ ихъ было много! Какъ велики они были! Сколько совершенно свѣжихъ и до сихъ поръ совершенно чуждыхъ силъ втягивали они въ себя, людей изъ различныхъ слоевъ возрождавшагося къ новой жизни русскаго общества. Нельзя себѣ представить, какъ интересны, какъ шумны, какъ увлекательны были сходки подвижниковъ русской литературы, русской журналистики, наканунѣ, такъ сказать, освобожденія Россіи! Я говорю о крѣпостной Россіи. Въ какихъ-нибудь двухъ комнатахъ моихъ, напр. на Спасской улицѣ, въ домѣ Трута, еженедѣльно сходилось съ полсотни лицъ, трудившихся въ журналахъ и газетахъ. За стаканомъ жидкаго чая, въ клубахъ табачнаго дыма, въ виду плохого стараго стола и едва-ли десятка стульевъ, эта полсотня толпилась и не видала, какъ летѣли часы далеко за полночь въ спорахъ замыхъ оживленныхъ. И все это были споры, толки и рассказы не о своихъ личностяхъ, не о личныхъ препирательствахъ, не о своихъ мелкихъ интересахъ—нѣтъ! все это были толки объ отечествѣ, о возрожденіи его на всѣхъ стезяхъ его жизни къ лучшему. Да, не первый я, да и далеко не послѣдній изъ той эпохи, скажу съ полною искренностью: неопѣненное, незабвенное время, и никогда тебя не вернуть не только въ моей жизни—нѣтъ, но и въ жизни всего русскаго общества! Объ этомъ времени было слишкомъ много писано и мнѣ не къ чему прибавлять что-либо къ его характеристикѣ. Скажу только, что жилось до крайности весело, до крайности весело работалось, съ необыкновеннымъ увлеченіемъ“.

Цѣлымъ рядомъ интересно написанныхъ историческихъ статей М. И. завоевалъ себѣ симпатіи и извѣстность въ обществѣ, и подготовилъ себя къ новой, болѣе широкой, дѣятельности.

Въ этотъ періодъ онъ занимался также преподаваніемъ русской исторіи и русскаго языка въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, а затѣмъ, по оставленіи военной службы, и въ старшихъ классахъ Смольнаго института, гдѣ въ талантливыхъ лекціяхъ среди своихъ слушательницъ онъ посѣялъ любовь къ русской исторіи.

Въ 1864 г. М. И. поступилъ на службу въ Государственную канцелярію, былъ тамъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, и вышелъ въ 1882 г. въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника.

Въ 1870 году Михаилъ Ивановичъ основалъ историческій журналъ „Русскую Старину“, редакторомъ-издателемъ котораго онъ пробылъ 22 года, до самой своей смерти.

Для того чтобы вполне объективно выяснить значеніе для общества „Русской Старины“, руководимой М. И. Семевскимъ, мы приводимъ отзывы о ней его перваго біографа ¹⁾ и В. А. Бильбасова ²⁾.

Первый изъ нихъ выясняетъ такъ дѣятельность М. И. по редактированію „Русской Старины“: извѣстно, какое громадное значеніе имѣла „Русская Старина“, не только для специалистовъ, но и для всего образованнаго общества; здѣсь, обыкновенно въ живой увлекательной формѣ, читатели знакомились съ фактами прошлой жизни русскаго общества и народа, съ біографіями замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ—военномъ, духовномъ, ученомъ, художественномъ, литературномъ. Журналъ приобрѣлъ постоянный кругъ читателей и имѣлъ пламенныхъ почитателей. „Русская Старина“ была извѣстна въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ нашего отечества и вездѣ будила самосознаніе и честную мысль, обличала, хотя и заднимъ числомъ, грѣхи нашего давняго и недавняго прошлаго, предостерегала отъ повторенія ихъ въ будущемъ. Редакторъ „Русской Старины“ умѣлъ отзываться на многія явленія современной жизни и давалъ весьма кстати такіе историческіе матеріалы, которые хорошо освѣщали текущія событія. Въ своемъ неустанномъ трудѣ по изданію журнала Михайлъ Ивановичъ находилъ дѣятельную поддержку во всѣхъ сферахъ общества: люди съ самымъ разнообразнымъ положеніемъ, отъ крестьянина и рабочаго до самыхъ высокопоставленныхъ лицъ, дѣлали важные вклады матеріалами въ „Русскую Старину“. М. И. обладалъ особеннымъ искусствомъ вызывать соприкасавшихся съ нимъ людей на откровенные рассказы о своемъ прошломъ, которые записывалъ и стенографировалъ, а не то побуждалъ самихъ рассказчиковъ къ составленію воспоминаній. Такъ, напр., Т. П. Пассекъ начала писать свои извѣстные мемуары „Изъ дальнихъ лѣтъ“ по вызову Михайла Ивановича, несмотря на то, что ей было тогда почти 70 лѣтъ.*

Василій Алексѣевичъ Бильбасовъ приводитъ такую характеристику: заслуга „Русской Старины“ въ развитіи нашего народнаго самосознанія весьма значительна: на ея страницахъ появлялись какъ матеріалы, „служившіе къ чести и славѣ прежнихъ общественныхъ дѣятелей“, такъ и данныя, „указывавшія на темныя стороны нашего общественнаго быта“. Освѣщеніе русской старины въ этомъ направленіи укрѣпляло въ читателяхъ сознаніе

¹⁾ Михайлъ Ивановичъ Семевскій „Русск. Стар.“ 1892 г., апрѣль.

²⁾ Памяти Михайла Ивановича Семевскаго. В. А. Бильбасовъ.

необходимости предпринятыхъ правительствомъ преобразованій и служило руководствомъ для практическаго ихъ осуществленія.

Такая задача „Русской Старины“, на знамени которой начертано возможно правильное освѣщеніе прошлыхъ явленій русской жизни въ XVIII и XIX стол., оказала большую услугу и наукѣ русской исторіи. Въ 267-ми книгахъ „Русской Старины“ М. И. Семевскимъ напечатано до 300 мемуаровъ, записокъ, воспоминаній и нѣсколько тысячъ актовъ, указовъ, писемъ преимущественно, даже исключительно, русскихъ людей. Благодаря этому богатому матеріалу, русское XVIII стол., которому преимущественно посвящена „Русская Старина“, предстало предъ русскими людьми въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, въ той русской окраскѣ, которой оно прежде не имѣло. Въ нѣсколькихъ сотняхъ изслѣдованій, рассказовъ и замѣтокъ, появившихся въ „Русской Старинѣ“, лица и дѣянія XVIII вѣка освѣщены чисто русскимъ, свойственнымъ вѣку, колоритомъ, причемъ русскія явленія оцѣнены на основаніи русскихъ данныхъ.

И. А. Шлякинъ, стоя еще передъ незарытой могилой Михаила Ивановича, сказалъ: со времязъ появленія „Исторіи государства Россійскаго“ Карамзина, никакое сочиненіе не имѣло такого распространенія, не подымало такъ общій интересъ къ знанію своего прошлаго, какъ „Русская Старина“. Она не только знакомила насъ съ прошедшимъ, но давала уроки и для будущаго, и какіе смѣлые, хорошіе уроки“!

М. И. было издано много отдѣльныхъ книгъ, списокъ которыхъ приложенъ къ апрѣльской кн. „Русск. Стар.“ за 1892 г., а равно тамъ же помѣщенъ списокъ его статей, до изданія журнала.

Михаилъ Ивановичъ былъ замѣчательный общественный дѣятель. Всякое выдающееся явленіе общественной жизни и не только жизни прошлаго, но и современной, его высоко интересовало, и онъ умѣлъ пробуждать и въ другихъ интересъ къ нему и поднималъ вопросъ на подобающее ему значеніе и высоту.

Ко всякому дѣлу, которое онъ вѣдалъ, которымъ онъ интересовался, онъ прикладывалъ все свое сердце, весь свой разумъ и всю свою энергію.

Его энергія и работоспособность были изумительны.

Много онъ сдѣлалъ для городского управленія Петрограда, въ городской думѣ котораго онъ потратилъ массу силъ и энергіи въ должности товарища городского головы, члена ревизіонной, финансовой и учительской комиссій, борясь противъ косности многихъ и многихъ темныхъ силъ.

Онъ былъ борецъ противъ всего нечестнаго и темнаго, всегда и вездѣ и на бумагѣ, и въ думѣ, и во всѣхъ аудиторіяхъ, и въ многочисленныхъ обществахъ, членомъ которыхъ онъ состоялъ.

Сколько добра дѣлалъ М. И., дѣлалъ по-евангельски, правая рука не знала, что дѣлаетъ лѣвая.

Особенно много онъ помогалъ учащейся молодежи.

Сколько онъ хлопоталъ за другихъ и по самымъ разнообразнымъ дѣламъ. Доброта его была безпредѣльна; онъ готовъ снять съ себя все и отдать неимущему.

Женатъ онъ былъ на Елизаветѣ Михайловнѣ Протопоповой, нынѣ здравствующей, и имѣлъ двухъ дочерей: Татьяну и Анастасію. Принятая на воспитаніе маленькая дѣвочка, вскорѣ послѣ кончины старшей дочери, тоже названа Татьяной.

Усиленные труды сокрушили его здоровье, и онъ умеръ 53 лѣтъ отъ роду, вскорѣ послѣ только-что прочтенной имъ лекціи о Петрѣ Великомъ въ Кронштадскомъ морскомъ собраніи.
